

Глава 23

Вечером трое братьев Ли отправились спать в восточную комнату к родителям, а Ли Цинъюнь с мужем заняли западную.

Перед сном Ли Цинвэнь заметил, как отец со старшим братом о чем-то недолго толковали в задней комнате. Когда они закончили, на Ли Маосяне лица не было.

Разговоры в ту ночь затянулись до глубокой зари — улеглись на целый час позже обычного. Стоило Ли Цинфэну коснуться подушки, как он тут же захрапел; Ли Цинхун последовал его примеру мгновение спустя.

Обычно в это время огонь в печи уже прогорал, и кан остывал, становясь лишь едва теплым. Ли Цинвэнь, прикорнувший с краю, долго не мог согреться и уснуть.

Он лежал неподвижно, и матушка Чэнь, решив, что младший сын уже видит сны, негромко спросила:

— Отец, о чем это тебе Цинжуй рассказывал?

Понимая, что от жены ничего не скроешь, Ли Маосянь тяжело, со стоном выдохнул:

— Маоюй не было дома целых два года... Старший сын, когда возвращался, специально крик сделал через уезд Наньян, чтобы заглянуть к сестре.

Госпожа Чэнь приподнялась на локте:

— И что же? Неужто младшая золовка снова с мужем повздорила? Как говорится, зубы и те язык прикусывают, в семейной жизни всякое бывает. Не бери в голову, в каждом доме свои споры.

— Если бы просто споры, я бы и слова не сказал... — отец снова горестно вздохнул. — Этот мерзавец поднял на неё руку. Маоюй пыталась скрыть всё, твердила Цинжую, что руку сломала, когда упала неудачно. Но когда наш сын прижал этого подонка к стенке, тот от страха и слова вымолвить не смог — просто сбежал.

Матушка Чэнь замерла в оцепенении:

— Быть того не может! Муж её, Лю Дачэн, всегда был человеком тихим, безобидным. Как бы золовка над ним ни подшучивала, он только улыбался в ответ. Казалось, он и пальцем её тронуть побоится.

Ли Маоюй выдали замуж в уезд Наньян, что в двух сотнях ли отсюда. Тогда Ли Маосянь долго противился этому браку — не хотел отпускать единственную сестру так далеко. Но у сестры был строптивый нрав, и она настояла на своем, устроив дома настоящий бунт.

Отец специально ездил в Наньян, расспрашивал соседей и горожан о Лю Дачэне. Все в один голос твердили: парень он честный, работающий, без дурных привычек, вот только семья у него бедная. Семья Ли и сама тогда не бедствовала излишком, так что на бедность смотреть не стали — лишь бы человек был надежный.

Для деревенской девушки выйти замуж в уездный город было делом завидным. В Тополиной деревне многие тогда кусали локти от зависти. Глава семьи же не хвалился: земли у семьи Лю не было, и Дачэнь зарабатывал на жизнь тяжелым поденным трудом, так что жили они немногим лучше крестьян.

Из-за долгой дороги на свадьбу отправились лишь полтора десятка родичей из клана Ли. Вернувшись, все они твердили одно: Маоюй несказанно повезло найти мужа с таким золотым характером.

Жена всё не могла взять в толк, что же стряслось. Ли Маосянь, словно через силу, добавил лишь, что Лю Дачэн сбился с пути и теперь то и дело ищет утешения в вине.

Слушая этот разговор, Ли Цинвэнь невольно вспомнил лицо тетушки. Люди говорили, что она была самой пригожей невестой в округе — многие парни из соседних деревень заглядывались на неё и втайне соперничали, но Ли Маоюй в итоге уехала за сотни ли от родного дома.

За этими думами он сам не заметил, как забылся тревожным сном.

***

Разбудил его чей-то голос во дворе, возвестивший:

— Иней лег!

Открыв глаза, Цинвэнь первым делом увидел склонившееся над ним лицо Ли Цинчжо. На миг он даже растерялся, не понимая, откуда здесь взялся второй брат.

Воздух в комнате стал резким, пронизывающим. С первым инеем холода всегда пробирались в дом настойчивее прежнего.

Маленький Ли Чжэнлянь еще до рассвета прибежал в восточную комнату, требуя обещанного мяса, но Ли Цинжуй, чтобы не будить младшего брата, быстро выставил сорванца за дверь.

Старший брат вместе с Ли Цинфэном отправились в уезд, и по дороге им встретился Цинчжо. Так все трое вместе и пошли за покупками.

Вообще-то у второго брата сегодня не было выходного. Но до уезда Люшань дошли слухи, что сельчане, отправленные на казенные работы в окружную столицу, начали возвращаться. Кто-то зашел в аптеку Зал Возвращения Весны за снадобьями и обмолвился об этом, и юноша не на шутку встревожился.

Он не знал, что Цинжуй задержится в пути на несколько дней, и всё это время не находил себе места от беспокойства. Лекарь Люй, заметив его состояние, расспросил обо всем и велел парню съездить домой, повидаться с родными.

Так семья Ли наконец собралась в полном составе. Матушку Чэнь и госпожу Цзян, которые вечно хлопотали по хозяйству, насильно усадили на кан, и в доме начались долгие разговоры.

Вспоминали всё: как Ли Цинъюнь ткала полотна, как второй брат постигал тайны врачевания, как старший провел эти полгода в окружном городе. Но больше всего, конечно, говорили о чудесах, что начали происходить после исцеления Ли Цинвэня.

Раньше, какие бы невзгоды ни обрушивались на их плечи, Ли Маосянь и его жена всегда твердили детям:

— Нужно только перетерпеть, и придут светлые дни.

Годы шли, семья по-прежнему жила в нужде, едва сводя концы с концами... И вот теперь в их жизни наступил настоящий перелом. Даже если забыть о тех пятидесяти лянх, варка сахара и посадка сорго обещали им сытую жизнь в достатке и новый, просторный дом.

Разгоряченный общим воодушевлением, Ли Цинжуй добавил:

— Я и письмо для Цзян Цуна передал с оказией. Если он узнает, что нашему сынку стало лучше, он за нас порадует не меньше нашего.

При упоминании благодетеля отец снова проникся глубоким чувством:

— Жизнь налаживается, и кто знает, куда судьба забросит каждого из вас. Но где бы вы ни оказались, никогда не смейте забывать того, кто спас нашего сына!

Все домочадцы, слышавшие этот наказ уже сотни раз, дружно отозвались согласием.

Пока шли разговоры, матушка принялась вытапливать жир из купленной свинины. Дом наполнился густым ароматом. Золотистые шкварки, сухие и хрустящие, посыпанные солью,

были невероятно вкусными.

Цинвэнь съел пару обжаренных ломтиков свиных почек — вкус был просто божественным. Когда организму долго не хватает жирной пищи, даже самое простое жареное мясо кажется пищей богов.

Узнав о доходах семьи, Ли Цинчжо радостно предложил:

— Раз так, нужно скорее купить бумагу и кисти. Пусть младшие братья учатся грамоте.

Глава семьи и сам об этом подумывал, но прежде чем взяться за обучение сыновей, ему нужно было уладить одно важное дело.

Второй брат очень любил кислое, и старший специально привез из уезда целый кувшин уксуса. Стоил он всего несколько взней, но раньше, в нужде, о таких тратах и помыслить было нельзя.

Пользуясь случаем, Цинвэнь приготовил к обеду Гобаожоу. У глиняного горшка было толстое дно, поэтому кусочки мяса после двойной обжарки получились не слишком жесткими. Но когда юноша добавил кисло-сладкий соус, по кухне поплыл такой дурманящий аромат, что у всех домашних слюнки потекли еще до того, как блюдо подали на стол.

— Ох, матушки! — весело рассмеялась Ли Цинъюнь. — Если я буду каждый день есть то, что готовит младший брат, я отсюда ни за что не уеду!

Малыш Чжэнлянь тут же обхватил тетку за пояс, не давая ей встать из-за стола. Один лишь он, уткнувшись в тарелку, молча уплетал мясо, не обращая внимания на шутки взрослых.

Но как бы весело ни было эти два дня, пришло время прощаться. У сестры было полно забот в доме мужа, а Ли Цинчжо нужно было возвращаться в аптеку — его отпустили ненадолго.

Но уезжали не только они. Ли Маосянь тоже собирался в путь. Сердце его болело за сестру, и он твердо решил ехать в уезд Наньян. Ли Цинжуй хотел отправиться с отцом: всё-таки ехали в чужие края, и лишние руки не помешали бы. Однако отец не позволил — сын и так полгода не видел жену. В итоге он взял с собой Ли Цинхуна.

Когда дом покинули сразу несколько человек, в нем стало непривычно пусто. Но госпоже Чэнь было не до печали: холода наступали, а зимней одежды не хватало — нужно было срочно закупать ткани.

Она велела старшему сыну ехать в уезд. Ли Цинжуй в таких делах смыслил мало, и Ли Цинфэн предложил:

— Мама, может, вы со снохой тоже поедете? Мы в лавке тканей всё равно ничего не понимаем.

Стоило ему это произнести, как Ли Чжэнлянь восторженно завопил:

— Я тоже хочу в город! Папа обещал, что когда вернется, отвезет меня в уезд и купит мясных булочек!

Когда в начале года отец уезжал из дома, маленький Чжэнлянь так вцепился ему в штанины, что Цинжюю пришлось дать это обещание. Малец помнил о нем до сих пор. Полевые работы закончились, и матушка Чэнь наконец сдалась.

***

Рано утром всё семейство погрузилось в повозку, запряженную осликом, и двинулось в сторону города. Места на всех не хватило, так что трое братьев шагали рядом. Путь занимал немногим больше часа, и прогулка была им не в тягость.

В это время года на дороге то и дело встречались соседи с корзинами. Кто-то нес на продажу яйца, кто-то — лесные дары. Благодаря истории с торговым сахаром семьей Ли теперь знали многие, и по пути им постоянно приходилось отвечать на приветствия.

В городе они напрямик направились к лавке тканей. Даже теперь госпожа Чэнь и госпожа Цзян не желали тратить лишнего вэня, поэтому принялись придирчиво выбирать товар. Цинвэнь, совершенно не разбиравшийся в полотнах, остался у порога, но племянник тут же утащил его за собой — покупать мясные булочки.

Ли Чжэнлянь в уездном городе оказался впервые, и теперь вертел головой по сторонам, снедаемый любопытством. Видя, что мать со снохой застряли в лавке надолго, Цинвэнь повел мальчика на главную улицу.

Племянник, завороженный блеском и красками, без умолку выспрашивал:

— Младший дядя, а это что? А это можно съесть? А вон то вкусное?

Цинвэнь покупал всё, на что указывал ребенок, и Чжэнлянь от счастья был готов взлететь до небес. Но вдруг впереди началось смятение. Прохожие в испуге принялись расступаться.

Ли Цинвэнь крепко сжал руку мальчика и отступил к краю дороги.

Вскоре показались стражники, за которыми следовала толпа узников в серых арестантских робах. На шеях у них лежали тяжелые канги, на ногах звенели кандалы. Грязные, с всклокоченными волосами, они шли, низко склонив головы. Цинвэнь заметил, что у последних

каторжан одежда была пропитана кровью — они шли с великим трудом.

Стражник, замыкавший шествие, принялся грубо окрикивать отставших, вскидывая плеть. Толпа тут же отхлынула назад.

В этот миг один из узников внезапно рухнул на землю. Товарищ по цепи поспешно бросился к нему, пытаясь поднять. Его хриплый голос донесся до юноши:

— Цзян Цун, вставай же!..

Дальнейших слов Ли Цинвэнь не расслышал. Это имя заставило его замереть на месте.

«Неужели я ослышался? — пронеслось в голове. — Или это просто тетка? Старший брат Цзян ведь был на службе... Почему он здесь, среди преступников?!»

Цинвэнь, не помня себя, шагнул вперед. Стражник преградил ему путь, угрожающе взмахнув плетью:

— Отойди! Это государственные преступники, не смей приближаться!

Кончик плети больно обжег руку. Резкая боль привела юношу в чувство. Он замер, глядя на человека, лежавшего в дорожной пыли. Лицо узника было настолько покрыто грязью, что черт было не разобрать.

Сердце Ли Цинвэня забилося как безумное. Он с трудом разомкнул губы:

— Вы ведь Цзян Цун из округа Сицзян провинции Хунчжоу?!

Человек на земле не шелохнулся. Стражник уже замахнулся, чтобы прогнать наглеца, но сидевший рядом узник поднял голову и хрипло спросил:

— Истинно так. А ты откуда знаешь Цзян Цуна?

В голове у юноши оглушительно загудело. Глядя, как двое арестантов подхватывают бесчувственного благодетеля под руки, он вскричал:

— Он мой благодетель!